

писями. Шлихтинг говорит, что в этот день были казнены 116 человек. В так называемом «Пискаревском летописце», опубликованном О. А. Яковлевой,¹⁵ названа примерно та же цифра — 120 человек. Кстати сказать, и все остальные детали этого рассказа летописи подтверждают описание Шлихтинга. Следующую деталь, сообщаемую повестью, — наличие специальной «росписи», по которой были схвачены для казни обвиняемые, мы опять находим у Шлихтинга. Перед казнью вышел «на середину дьяк тирана Василий Щелкалов с очень длинным списком, перечисляя подряд туда внесенных».¹⁶

И наша повесть, и Шлихтинг сходно говорят о том, что трупы казненных лежали на площади до тех пор, пока царь не приказал их похоронить. Несомненно, что и это совпадение не случайно.

Можно себе представить, с каким ужасом обходили жители страшное место, заваленное мертвыми телами. Вероятно, мало кто мог заснуть в домах, его окружающих. Но никто, понятно, не смел и думать о захоронении мертвецов без повеления царя. Шлихтинг пишет об этом так: «Тела же убитых, ограбленные и обнаженные, лежали на земле, на середине площади, до вечера. Впоследствии тиран приказал вынести их за город и свалить в одну яму для погребения».¹⁷ Автор повести также сообщает, что погребение долго лежавших тел произошло по повелению царя. Но в его словах по этому поводу мы видим одно знаменательное отличие от Шлихтинга, и именно это отличие и свидетельствует в данном случае о том, что и Шлихтинг, и автор повести имеют в виду один и тот же факт. Автор повести не просто сообщает, что «во утрии же, повелением царевым погребоша телеса их», но особо подчеркивает: «сродницы каждо во своих». Это подчеркивание, что каждого похоронили родственники среди родных могил, обличает намерение автора противопоставить факту свального захоронения казненных другую версию. Такое намерение вытекает из замысла его повести. Случай с купцом Белоулиным для того и выдуман, чтобы показать, как царь в результате его смягчился, помиловал тех, кого еще не успели казнить, и, уже само собой, разрешил по-христиански похоронить казненных. Весь смысл повести был бы смазан, если бы герой ее, спасший сотни жизней, оказался бы брошенным в общую яму.

Совпадает в «Сказании» Шлихтинга и в повести описание выезда царя на площадь во главе отряда конных стрельцов.

Наконец, самое главное, что совпадает в «Сказании» Шлихтинга и в повести, — это факт помилования прямо на площади части приговоренных. Шлихтинг пишет, что из 300 выведенных на казнь царь велел казнить 116 человек, а остальных 184 помиловал и отпустил. В повести иное соотношение: казнили всего 7 человек, восьмым был Харитон Белоулин, а всех остальных, после случая с ним, царь «пожаловал» — отпустил. Повесть не производила бы желаемого впечатления, не была бы художественным произведением, если бы автор, придерживаясь фактической точности, сначала переказал в своем рассказе человек 120 и только тогда заставил бы своего героя спасти остальных приговоренных. Важно, что в основе художественного вымысла автора повести мы опять находим реальный факт, имевший место в начале 70-х годов.

Исходя из сказанного, мы можем заключить, что авторы обоих произведений — люди разной психологии, разной творческой манеры, а главное ставившие перед собой диаметрально различные цели, создавая свои

¹⁵ Материалы по истории СССР, т. II. Изд. АН СССР, М., 1955 (далее Пискаревский летописец), стр. 79.

¹⁶ А. Шлихтинг, стр. 46.

¹⁷ А. Шлихтинг, стр. 49.